

Алёна Козлова
В тени Священного леса

ЗАВЕСА МЕЖДУ МИРАМИ РВЁТСЯ ОТ ЛЮБОПЫТСТВА
И ОТ ЖАДНОСТИ

Алёна Козлова

**В тени Священного леса.
Завеса между мирами рвётся
от любопытства и от жадности**

«Издательские решения»

Козлова А.

В тени Священного леса. Завеса между мирами рвётся
от любопытства и от жадности / А. Козлова — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-672967-4

Чтобы спасти мир, пришлось стать мостом между тем, что разрушает, и тем,
что помнит... Русалки, говорящие ивовым шепотом? Кикиморы, торгующие
правдой за кости мышей? Это не реконструкция — это живая, дышащая
гневом и сосновой смолой магия, встроенная в реалии нашего времени

ISBN 978-5-00-672967-4

© Козлова А.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Предисловие	7
Когда лес был другом	8
Глава 1. Возвращение	10
Глава 2. Первая встреча	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

В тени Священного леса Завеса между мирами рвётся от любопытства и от жадности

Алёна Козлова

© Алёна Козлова, 2025

ISBN 978-5-0067-2967-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

«Тени Священного Леса» – это история о том, как тонкая грань между мирами рвется от человеческой жадности и древней магии. Молодая биолог Алиса, вернувшись в родное Черноборье после смерти бабушки, обнаруживает, что унаследовала не просто старый дом, а дар, связывающий её с духами славянской мифологии. Но пробуждение Лешего – яростного хранителя леса – становится лишь началом испытаний. Строительство магистрали, вырубка заповедных рощ и гнев земли, воплотившийся в Злобу Лесную, ставят Алису перед выбором: забыть всё или стать мостом между миром людей и тайной вселенной, где деревья говорят, русалки заключают договоры, а прошлое мстит за забвение.

Вместе с Марком, потомком волхвов, и самим Лешим, чья сущность балансирует между разрушением и мудростью, Алисе предстоит не только остановить катастрофу, но и понять, что истинная сила – не в борьбе, а в умении услышать даже тот голос, что звучит из глубины болот.

Книга для тех, кто верит:

- что лес помнит больше, чем учебники истории;
- что мифы – это не сказки, а забытые правила выживания;
- что прогресс без уважения к корням превращается в пыль.

«Что, если спасти мир можно, только перестав его делить на „своё“
и „чужое“?»

Алёна Козлова

Предисловие

«Есть места, где время дышит иначе. Где корни деревьев помнят голоса богов, а тропинки ведут не только сквозь чащу, но и сквозь века. Таким был Священный Лес – пока люди не решили, что дорога к прогрессу важнее шепота старых камней.

Эта история началась не с магистрали, экскаваторов или бетононасосов. Она началась с тихого зова, который слышала девушка, вернувшаяся туда, где когда-то смеялись русалки и водили хороводы древние духи. Ей предстояло узнать, что граница между мирами тоньше паутины, а в каждой мифе спрятана не придуманная, а забытая правда.

Вы держите в руках не просто книгу о борьбе леса и города. Это повествование о том, как наша жадность будит спящих стражей, как прошлое цепляется за настоящее корнями, и как даже в сердце цивилизации может зацвести папоротник, хранящий обет молчания. Здесь вы встретите Лешего – не сказочного деда с лаптями, а яростного хранителя, чья любовь к живому способна стать проклятием. И Алису – ту, что стоит на пороге двух реальностей, не зная, какой ключ выбрать: от двери в будущее или от ворот в прошлое.

Прислушайтесь. Сквозь шум машин уже пробивается вой ветра в ветвях. Скоро заскрипит старая калитка, и тени начнут двигаться...»

Из дневника Елены Светловой (бабушки Алисы), 1978 год:

«Лес просит не жалости, а уважения. Он не умрёт – он уведёт себя в иной мир, оставив нас среди бетона и пустоты. И тогда мы поймём, что прогресс без корней – это дом, построенный на песке...»

Когда лес был другом

Эпиграф (из дневника Алисы, найденного позже):

«Бабка говорила: «Страх – это волк.
Если побежишь – догонит».
А я бежала от леса десять лет.
Пока он не поймал меня у бабушкиной могилы...»

Черноборье пахло детством: печёной картошкой, земляникой и тайной.

Семилетняя Алиса выпрыгнула из ржавого автобуса «ПАЗик», вцепившись в плюшевого зайца Ушко. Воздух звенел от стрекоз, а дорога, утоптанная коровами, вела к дому с резными наличниками, где на крыльце ждала баба Лена. Не бабушка – Баба Лена, вся в ситцевых цветах, с руками, шершавыми, как кора, и глазами, в которых жили грозы и звёзды.

– Лисёнок приехал! – раскинула она объятья, и Алиса утонула в запахе мяты и печного дыма. – А Ушко-то похудел! Надо его пирогом с черникой откармливать!

Дом был царством чудес.

На чердаке водились домовые – «шумихи», как называла их баба Лена. По ночам они переставляли крынки, а Алиса, затаив дыхание, слушала их возню. На кухне над плитой висел пучок «ведьминой травы» – зверобоя. «От сглазу, дитятко, – поясняла бабка. – Городские глаза колючие».

– А это что? – Алиса ткнула в медный амулет на гвозде у печи. – Ключик, – прищурилась баба Лена. – От дверей, что людям не видать. Не трожь – похулиганит.

Лес звал.

Бабка водила Алису по тропам, как по страницам живой книги: – Смотри, берёзки шепчутся – сплетничают, как старухи у колодца. А вон дуб-батяня – всех старше, всех мудрее. Ему поклонись. – Зачем? – Уважение, Лисёнок. Лес любит шепот, а не крик. Запомни: «Кто с деревом говорил – тот век с ним породнился».

У ручья, где вода пела тонким голосом, Алиса увидела девочку в платье из кувшинок, с волосами цвета тины. Та махала рукой, зовя в воду. – Баба! Там русалка! – закричала Алиса. – Ага, Маринка, – бабка махнула рукой. – Не лезь к ней, дивчина – утянет! Русалки девчонок не любят, ревнуют. – Почему? – Потому что сами замуж хотят. Лешему. – Баба Лена рассмеялась, сорвала стебель дудника. – На, свисти громче – испугается.

Но не всё было сказкой. За старой мельницей начиналась Запретная поляна. Там рос мухоморный круг, а в центре лежал камень с выщербленным лицом. – Не ходи туда, Лисёнок, – бабка говорила строго. – Там бука-топотун спит. Разбудишь – весь лес затопчет. – А кто он? – Старый гнев земли. Как люди много грешат – он просыпается. Мы с тобой тише мышки – давай, крадучись...

Перед сном баба Лена рассказывала не сказки – правду: – Видишь, туча на луну напозла? Это Водяной невест ищет. А вон сова кричит – это Леший на сосну залез, ногу занозив. Смешной! – Баба, а духи злые? – Не злые, а обиженные, – гладила её по голове. – Люди забыли,

что лес – живой. Не здороваются, мусорят. А он... плачет. Слышишь, берёзы скрипят? Точно старички на лавке: «Ох, спина болит от людской глупости...».

В последний вечер баба Лена повела Алису к дубу-царю. Привязала на ветку ленту: – Это тебе, Лешак, на память. Дитё увожу, не ворчи. А в карман курточки сунула тот самый амулет: – Держи, Лисёнок. Если в городе страшно станет – прижми к сердцу. Я через него шепну: «Не бойся, родная. Лес с тобой».

Автобус увозил детство. Алиса прилипла к стеклу. На опушке, среди берез, стояла высокая тень с ветвями вместо волос. Махала ей вслед. Девочка зажмурилась. – Баба, это Леший? – Он самый, – бабка прижала её к себе. – Прощается. Ждёт, когда снова приедешь. – А я приеду? – Обязательно. Лес своих не забывает.

Глава 1. Возвращение

Эпиграф главы (из дневника Елены Светловой):

«Лес не прощает, но он справедлив.
Если пришел к тебе Леший – значит, ты сама позвала.
Или... ты ему нужна.»

Осень в деревне Черноборье пахла пеплом и прошлым. Воздух, густой от дыма печных труб и прелой листвы, обжигал легкие, словно напоминая: здесь время не лечит, а консервирует раны. Алиса вышла из ржавого автобуса, вцепившись в чемодан с оторванным колесом. Дорога, усеянная лужами от вчерашнего дождя, вела к кладбищу – бабушку хоронили сегодня, но провожать ее пришли лишь горстка старух да местный поп, похожий на высохшую гривастую сову.

– Эх, Лисёнок, не вовремя ты припожаловала, – хрипло пробурчал шофер, выгружая её сумки. – Лес-то наш не любит чужих, а ты и вовсе городская...

Он плюнул через плечо, отгоняя нечисть, и укатил, оставив Алису среди берез, чьи стволы, словно кости, белели сквозь рыжую хмарь.

Она вспомнила бабушкины слова: «Черноборье – не место, а сторож. Стоит на границе, где людская глупость упирается в лесную память. Не шуми тут, дитяtko – а то разбудишь то, что спать должно».

Дом Елены Светловой стоял на отшибе, будто стыдясь соседей. Скрипучая калитка, обвита мертвым хмелем, вела во двор, где крапива проросла сквозь трещины в бетоне. Стены, некогда голубые, теперь походили на кожу прокаженного – штукатурка свисала клочьями, обнажая черные бревна. Алиса толкнула дверь, и та взвыла, будто раненый зверь. Внутри пахло сушеным чабрецом, воском и тоской.

– Здравствуй, бабуля, – прошептала она, проводя пальцем по пыльному столу, где всё осталось как тогда: глиняный кувшин с трещиной в виде молнии, вышитое рушником зеркало, в котором девушка в семь лет видела лицо русалки.

В углу, под иконой Николы Угодника, ждал сундук. Кованые петли заржавели, но замок поддался после третьего удара молотком. Внутри – шаль цвета малинового заката, связка писем на фронт от прадеда-артиллериста и... дневник. Кожаный переплет, стянутый ремешком с бусиной-глазом. На первой странице – детский рисунок: девочка (бабушка?) держит за руку существо с рогами и копытами. Подпись дрожащим почерком: «Не открывай на ночь. Они слышат».

Сумерки накрыли деревню, как влажная холстина. Алиса разожгла печь, готовясь к ночи. В окно, затянутое паутиной, стучала ветка яблони – бабушка называла её «невестой», потому что весной она цвела белее всех в округе. Теперь же дерево скрипело суставами:

– У-ехала бы ты, городская... У-ехала...

– Молчи, – буркнула Алиса, но сердце ёкнуло. Она открыла дневник.

Страницы шелестели, как крылья ночных птиц. «20 июня 1943. Папка ушел в партизаны, мамка говорит – лес его съел. А я знаю правду: он теперь служит Лесному Царю. Ночью видела – стоит на опушке, в плащ-палатке, а из-под капюшона светятся зеленые глаза...»

«13 июля 1951. Степан посмеялся: „Твои духи – блажь!“. Сегодня нашли его в болоте. Говорят, утонул. Но я знаю – это кикимора мстила за насмешки...»

Алиса перевернула страницу – выпал амулет. Медный кружок с выгравированным «коловоротом», обмотанный волосами (бабушкиными?). Он обжег пальцы, словно кусок льда, и девушка едва не выронила его.

– Ненавижу эту чертовщину, – проворчала она, но надела цепочку на шею. Тут же из печи вырвался вихрь искр, сложившихся в лик – рогатый, с глазами как угли.

– Спала, – прошипело пламя.

Ночь пришла не одна.

Алиса проснулась от того, что по крыше скакали. Не град, а чьи-то копыта. За окном, в лунном свете, метнулась тень – не животное, не человек. Что-то высокое, с ветвями вместо волос.

– Бабуля... это ты? – дрогнул голос.

В ответ завыл ветер, принеся обрывки песни:

Ой, не ходи, дитятко, за околицу,
Там Лешенька караулит – заберет в темницу.
Заплетет в косы коренья да хвори,
Заставит любить его до самой зари...

Алиса схватила фонарь, выскочила на крыльцо. Луч света уперся в фигуру у калитки – старуха Ниловна, соседка, завернутая в платок с совиными глазами.

– Чего шумишь, городская мышь? – проскрипела та, ковыряя клюкой замшелый камень. – Не балуйся с огнём. Лес-то не спит. Чует, что топоры зашевелились...

– Какие топоры?

– Стройку, глупая! Через Черноборье магистраль тянуть будут. Уж экскаваторы на краю деревни стоят. – Ниловна плюнула через левое плечо. – Твоя бабка отговаривала, да поздно. Теперь он придет.

– Кто?

Старуха засмеялась, обнажив единственный зуб.

– Хозяин. Тот, что в старину свататься к девкам приходил, да в стогах сена прятался. А нынче... – Она вдруг замерла, уставившись за спину Алисы. – Смотри-ка, вон он, красавчик, за тобой подсматривает.

Девушка обернулась. В темноте, меж берез, светились два зеленых пятна – как фонарики, только живые. Сердце упало в пятки.

– Беги, – прошипела Ниловна. – Пока не пригласила в гости.

Алиса захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной. В ушах стучало: «Спала... спала... спала». На шее амулет леденил кожу. Она открыла дневник наугад:

«Завеса между мирами рвется от любопытства. Но если ты читаешь это – ты избрана. Не бойся его. Он страшен, как гроза, но без грозы земля мертвеет...»

За окном заскрипело. На подоконник, раздвигая раму, легла ветка – не яблони, а еловая, колючая, обвитая мхом. Она медленно протянулась к Алисе, будто палец с длинным ногтем.

– Уходи, – прошептала девушка.

Ветка дрогнула, и снаружи грохнуло – будто дуб рухнул. Зеленые глаза во тьме погасли.

Утром Алиса нашла у калитки след:

отпечаток босой ноги, слишком крупной для человека, с вплетенными между пальцами сосновыми иглами.

Глава 2. Первая встреча

Эпиграф главы (из дневника Елены Светловой):

«Леший – не враг и не друг.
Он – совесть леса.
А совесть, дитяtko, всегда говорит правду.
Даже если режет ухо.»

Утро в Черноборье началось с вороньего карканья. Солнце, словно ржавый гвоздь, застряло меж туч, не в силах пробить пелену тумана. Алиса стояла у калитки, вглядываясь в след – тот самый, с сосновыми иглами меж пальцев. Земля вокруг него почернела, будто выжженная молнией, а крапива, обычно жалившая все живое, лежала примятая, словно кланяясь незримому гостю.

– И чего ты ждешь? – крикнула с крыльца Ниловна, швыряя в огород горсть зерна для кур. – Следы читаешь, как ведьма по пеплу? Беги лучше в лес, пока дорогу помнишь. А то он опять придет – не на порог, а в сон.

Алиса сжала амулет на шее. Медь жгла пальцы, будто предупреждая: «Не надо». Но в груди уже kloкотало – не страх, а досада. На кого? На бабушку, оставившую ей этот дневник с безумными записями? На себя, что поверила в зеленые глаза во тьме?

– А может, это вы все тут с ума сошли от болотных испарений? – бросила она через забор.

Старуха захохотала, и курты вытянули шеи, будто подхватывая смех.

– Городская пыль в голове завелась! – Ниловна ударила клюкой по столбу, и сорока с криком сорвалась с крыши. – Слушай, дивчина: лесные духи – они как гром. Пока не грянет, не поверишь. А грянет – поздно креститься.

Дорога в лес вилась змеей, обвитой корнями.

Алиса шла, продираясь сквозь заросли папоротника, чьи листья шептали: «Назад... назад...». Воздух густел с каждым шагом. Березы сменялись елями-великаншами, их ветви сплетались в свод, словно крыша прокопченной избы. Под ногами хрустели кости – нет, не звериные: черепки горшков, ржавые подковы, обломок прялки. «Лес хранит то, что люди теряют», – вспомнилось из бабушкиного дневника.

Внезапно тропа оборвалась у ручья. Вода в нем была черной, как деготь, а на камнях сидели лягушки с глазами-янтарями. Одна раскрыла пасть, зашипев:

– У-уйди, пока цела! У-у Лешего невеста!

– Да ну вас всех! – Алиса швырнула в воду камень.

Всплеск разорвал тишину. И тогда...

Запела земля.

Сначала глухо, как стон из-под глыбы, потом яснее – голос, сплетенный из шелеста листьев, журчания ключей и скрипа старых сучьев.

«Ай, не пой, соловушка, под дубом, Не зови сердце в терем темный. Кто Лешого в гости позвал – Тот сам себе могилу выкопал!»

Алиса обернулась. На пне, покрытом мохнатым лишайником, сидел он.

Леший. Не рогатый великан из сказок, а словно сам лес собрался в человеческий облик. Тело – гибкое, как корень, кожа – кора с прожилками мха, волосы – спутанный плющ с шишками вместо бусин. Глаза... Ах, эти глаза! Два заболоченных омута, где плескалась тысяча лет тоски.

– Чего шляешься, девонька, где не просят? – Его голос трещал, как костер под дождем. – Иль бабкины страшилки мало? Принесла себя в дар, как пирог на окно?

Алиса вдохнула смолу и страх.

– Вы... вы настоящий?

Леший склонил голову, и с плеч его посыпались жуки-дровосеки.

– Я – шелест ветра в дупле. Тень от сосны в полдень. Песня, что матери поют детям, чтобы не ходили в чащу. – Он поднял руку, и пень под ним ожил, выпустив побеги. – А ты? Городская птаха с амулетом покойницы. Зачем?

– Я хочу понять! – Алиса рванула цепочку, дернув амулет. – Почему бабушка... почему вы...

– Почему? – Леший вскинул брови, и ели вокруг закачались. – Ты спрашиваешь, как трава спрашивает топор: «Почему рубишь?». Потому что ваша порода глуха! – Он встал, и земля дрогнула. – Слышишь?

Где-то вдали, за лесом, взревел мотор.

– Это... экскаваторы?

– Гробокопатели! – Леший ударил посохом о землю, и с неба посыпались шишки. – Рвут жилы моей земли. Режут корни. А ты – «почему»!

Он шагнул к Алисе. Девушка отпрянула, но корни вдруг обвили её лодыжки.

– Пусти!

– Ах, боишься? – Леший обнажил зубы – острые, как щепки. – Твоя бабка не боялась. Ночью приходила, разговаривала. Лечила раны от топоров. А ты... – Он провел пальцем по её щеке, оставив царапину мхом. – Ты даже воробья не спасешь.

Где-то закричала сойка. Алиса дернулась, и амулет вспыхнул синим пламенем. Леший взвыл, отшатнувшись.

– Так-то! – Он засмеялся горько. – Носить ключ, а пользоваться, как камень в чулке! Елена учила бы лучше...

Корни отпустили Алису. Она упала на колени, сжимая амулет.

– Что вы хотите?!

– Хочу? – Леший повернулся, и его плащ из папоротников распался на сотни листьев. – Чтобы вы остановились. Чтобы не рыли ямы под асфальт, где спят кости моих стражей. Чтобы... – Голос его вдруг дрогнул. – Чтобы хоть одна из вас увидела. Не глазами – тут. – Он ткнул посохом себе в грудь, где вместо сердца пульсировал светляк.

– Увидела что?

Ответом стал вой. Нечеловеческий, выворачивающий душу наизнанку. Леший вздрогнул, впервые показав страх.

– Злоба... – прошептал он. – Разбудили.

Туман сгустился в фигуры – десятки, сотни теней с клыками из сучьев и когтями из шипов. Они двигались к ним, круша кусты.

– Беги! – Леший толкнул Алису к ручью. – Если амулет спасет – вернешься на рассвете. К дубу-царю. Не приходи – умрешь. Приди – тоже. Выбирай.

Она побежала. За спиной рёв превращался в хрип. Оглянулась: Леший, выросший до размеров сосны, бился с теньями, а земля под ними стонала, как раненый зверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.